

Цели наказания в науке уголовного права

Аннотация. Несмотря на многовековое обсуждение учеными разных стран, вопрос о целях уголовного наказания и сегодня остается актуальным. Уголовное законодательство советского периода в формулировании целей наказания было непоследовательным и неоднократно меняло перечень целей наказания и их формулировки, поэтому и в уголовно-правовой доктрине по этой проблеме велись долгие и безрезультатные дискуссии. Не прекратились они и по сей день, хотя действующий УК РФ недвусмысленно провозгласил целями наказания восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Несовпадение целей наказания в УК РФ и целей исполнения наказания в УИК РФ в известной мере мешают единообразной трактовке целей уголовного наказания. В статье доказывается обоснованность и всеобъемлющий характер законодательного решения и отвергается целесообразность и возможность законодательной корректировки целей наказания либо дополнения их перечня целями кары, искупления вины, ресоциализации осужденного, его перевоспитания и др.

Ключевые слова: социальная значимость законодательной регламентации целей наказания; проблема множественности целей наказания; цели исполнения наказания; общее предупреждение; специальное предупреждение; исправление осужденного; перевоспитание осужденного; ресоциализация осужденного; кара; искупление вины; критерии достижения целей наказания.

Для цитирования: Рарог А. И. Цели наказания в науке уголовного права // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 2. — С. 125–139. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.125-139.

The Purpose of Punishment in the Science of Criminal Law

Aleksey I. Rarog, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Lawyer of the City of Moscow
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
alek.rarog@yandex.ru

Abstract. Despite a centuries-old debate among scientists from different countries, the question about the purposes of criminal punishment remains relevant. The criminal legislation of the Soviet period was inconsistent in formulating the purposes of punishment and repeatedly changed the list of purposes and their wording, therefore, in the criminal law doctrine there were long and fruitless discussions on this issue. They have not stopped to this day, although the current Criminal Code of the Russian Federation unambiguously proclaimed the purposes of punishment to be the restoration of social justice, the correction of the convicted person and the prevention of

---

© Рарог А. И., 2021

* Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
alek.rarog@yandex.ru

new crimes. The discrepancy between the purposes of punishment in the Criminal Code of the Russian Federation and the purposes of the execution of punishment in the Penal Enforcement Code of the Russian Federation to a certain extent interferes with a uniform interpretation of the purposes of criminal punishment. The paper proves the validity and comprehensive nature of the legislative decision and rejects the importance and possibility of legislative adjustment of the purposes of punishment or supplementing their list with the purposes of punishment, expiation, resocialization of the convict, his re-education, etc.

Keywords: social significance of legislative regulation of the purposes of punishment; problem of multiple purposes of punishment; purpose of the execution of the sentence; general deterrence; special deterrence; correction of the convicted person; re-education of the convict; resocialization of the convict; punishment; expiation; criteria for achieving the purposes of punishment.

Cite as: Rarog AI. Tseli nakazaniya v nauke ugovnogo prava [The Purpose of Punishment in the Science of Criminal Law]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(2):125-139. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.125-139. (In Russ., abstract in Eng.).

Цели наказания — это вопрос философский. Он возник практически сразу после появления таких категорий, как преступление и наказание, и постоянно привлекал внимание многих философов и богословов, пытавшихся найти ответы на вопросы, кому принадлежит право наказывать за преступление и зачем нужно наказывать преступника. Уже в античную эпоху появились трактаты о сущности наказания за преступление и его предназначении (например, Фомы Аквинского, Иоанна Златоуста, святого Августина)¹.

Интерес к исследованию целей наказания особенно усилился в XVIII–XIX вв. В курсе по уголовному праву Н. С. Таганцев насчитал 37 разновидностей теорий целей наказания, а по подсчетам Н. Д. Сергеевского, к началу XIX в. в Европе сформировались 24 философские системы и около 100 различных теорий наказания и его целей². Исследовав уголовное законодательство большого числа государств, В. Н. Додонов показал, что некоторые цели уголовного наказания встречаются в УК значительного числа стран (исправление осужденного, его ресоциализация, общее и частное предупреждение преступлений), а некоторые цели обозначены лишь в редких случаях (например, пресечение преступлений — Кот д'Ивуар, Куба; защита юридических благ — Парагвай, Португалия; выражение обще-

ственного осуждения преступления — Сербия, Хорватия, Черногория)³. Столь широкий разброс мнений о целях наказания не в последнюю очередь можно объяснить тем, что в обозримой истории уголовного законодательства подавляющего большинства государств отсутствовали определения не только целей наказания, но и самого наказания.

Вопрос о целях наказания сегодня актуален как в России, так и в других государствах. Речь идет о тех позитивных социальных результатах, которые желательно достичь установлением наказаний в уголовном законе и их фактическим применением к лицам, признанным виновными в совершении преступления.

Первым нормативным правовым актом в России, в котором определялась цель наказания, были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.⁴ Их статья 8 гласила: «Задача наказания — охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц». Хотя в законе использовался термин «задача», судя по его содержанию, можно утверждать, что подразумевалась именно цель наказания. Слишком общий характер сформулированной в Руководящих началах цели потребовал ее уточнения, поэтому в УК

¹ См. об этом: Чучаев А. И. *Jus puniendi* (исторический очерк) // *Lex russica*. 2011. № 3. С. 389–416.

² См.: Сергеевский Н. Д. *Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть Общая*. Пг., 1915. С. 70.

³ См.: Додонов В. Н. *Сравнительное уголовное право. Общая часть* / под ред. С. П. Щербы. М., 2010. С. 262.

⁴ *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства*. № 66. 28.12.1919. Ст. 590.

РСФСР 1922 г.⁵ было определено, что «наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений». Приведенная формулировка целей наказания была достаточно уязвима с теоретических позиций.

Во-первых, в двух пунктах адресат наказания именовался нарушителем, хотя речь, безусловно, шла о лице, совершившем уголовное правонарушение, т.е. преступление.

Во-вторых, предупреждение новых правонарушений со стороны нарушителя необоснованно называлось общим, что стирало грань между общей и специальной превенцией.

В-третьих, общее предупреждение ограничивалось воздействием лишь на «других неустойчивых элементов общества», хотя многие криминологи трактуют общее предупреждение как профилактическое воздействие наказания на неопределенно широкий круг лиц независимо от наличия или отсутствия у них криминальных наклонностей.

В-четвертых, в законодательной формулировке цели наказания, по сути, смешивались со средствами их достижения.

В связи с образованием СССР и в соответствии с установленным распределением полномочий между Союзом ССР и союзными республиками 31 октября 1924 г. Вторая сессия ЦИК СССР II созыва принял Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.⁶ На их основе были созданы уголовные кодексы республик, вошедших в состав СССР.

Уголовный кодекс РСФСР в редакции от 22.11.1926⁷ формально отказался от термина

«наказание» и заменил его термином «меры социальной защиты», целями которых были провозглашены:

- а) предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их;
- б) воздействие на других неустойчивых членов общества;
- в) приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся.

Важной составляющей нормы о целях мер социальной защиты была часть 2 ст. 9 УК, гласившая: «Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят».

Из смысла ст. 9 УК РСФСР следует, что целями мер социальной защиты закон провозгласил специальное и общее предупреждение, а также ресоциализацию лица, совершившего преступление, подчеркнув, что названные меры не ставят задачей возмездие и кару. На это необходимо обратить особое внимание в связи с формулированием целей наказания в следующем Уголовном кодексе РСФСР.

25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик⁸. Если прежнее уголовное законодательство базировалось на идее диктатуры пролетариата, то Основы 1958 г. стали законом страны победившего социализма и опирались на идею общенародного социалистического государства.

Статья 20 Основ гласила:

«Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

---

⁵ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного кодекса Р. С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным кодексом Р. С.Ф.С.Р.).

⁶ СЗ СССР. 1924, № 24. Ст. 205.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 06.12.1926, № 80, ст. 600.

Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Эту норму общесоюзного закона воспроизвели все республиканские уголовные кодексы (например, ст. 20 УК РСФСР 1960 г.). Более того, она была более или менее точно воспроизведена в уголовных кодексах некоторых стран Варшавского договора. После распада социалистического лагеря во всех ранее входивших в него странах были приняты новые уголовные кодексы, большинство из которых не содержит нормы о целях наказания. После развала Советского Союза новые национальные кодексы приняли и все бывшие союзные республики. Почти во всех уголовных кодексах государств постсоветского пространства имеется норма о целях наказания (УК Республики Беларусь провозглашает цели уголовной ответственности (ст. 44), а не наказания).

Практически во всех уголовных кодексах, формулирующих цели наказания, упоминаются такие цели, как исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами. В некоторых уголовных кодексах, как и в УК РФ 1996 г., провозглашается цель восстановления социальной справедливости (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова). В Уголовном кодексе Республики Молдова перевоспитание хотя и не упоминается в числе целей наказания, но в определении наказания говорится, что оно является средством перевоспитания осужденного (ч. 1 ст. 61).

Различия в определении целей наказания вряд ли можно объяснить национальными особенностями, скорее, в них отражены лингвистические различия и приверженность к определенным позициям в доктринальных полемиках.

В российской уголовно-правовой доктрине выражалось сомнение в необходимости са-

мой постановки вопроса о целях наказания. Так, Н. А. Беляев высказал мнение, что вместо понятия «цели наказания» следует использовать понятие «функции наказания» — хотя бы потому, что всякое целеполагание подразумевает наличие определенного субъекта, а у целей наказания его нет⁹. Однако это мнение не нашло поддержки у других ученых. Тем не менее дискуссии о целях наказания были долгими и острыми.

Одним из предметов таких дискуссий было количество целей наказания. В разные периоды времени российские ученые высказывали мнение, что наказание не может иметь нескольких целей. Так, в начале прошлого столетия П. И. Люблинский писал, что науке уголовного права следует определиться, «...должно ли наказание воплощать в себе одну великую идею возмездия за вину, или же служить и более практическим задачам, как, например, устрашению всех с целью удержать их от преступлений, исправлению преступника, его обезвреживанию или лечению»¹⁰. Сходное мнение высказывал и С. В. Познышев: «Наказание может иметь лишь одну цель. Если поставить ему несколько целей, то они или объединяются в одной более общей цели, или, если останутся самостоятельными, будут в непримиримом противоречии и антагонизме друг другу. Из каждой из них будут вытекать свои особые требования; ограничения же одних требований в пользу других могли бы быть установлены лишь принципом, объемлющим все их и ставящим наказанию более общую цель, совмещающую в себе данные цели как свои моменты. То же имело бы место при постановке нескольких целей альтернативно; область действия каждой из этих целей могла бы быть определена лишь принципом, объемлющим все их и ставящим одну более общую цель»¹¹. Подобная точка зрения высказывалась и в советское время. Так, М. Д. Шаргородский

⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1958, № 1. Ст. 6.

⁹ Уголовное право на современном этапе. Проблема преступления и наказания / под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глистина и В. В. Орехова. СПб., 1992. С. 476–477.

¹⁰ Люблинский П. И. Новые идеи в правоведении // Сборник № 1 : Цели наказания. СПб. : Образование, 1914. С. 1.

¹¹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 73.

полагал, что предупреждение преступлений является единственной целью наказания, которая охватывает исправление и перевоспитание осужденного¹². Это мнение разделяли и некоторые другие советские криминалисты¹³.

В постсоветской уголовно-правовой науке также раздаются отдельные голоса в пользу признания только одной цели уголовного наказания. Так, В. В. Крюков считает, что «единовременно перед наказанием может быть поставлена только одна цель, что позволяет отличать цель от задач, коих может быть несколько. Данный вывод проистекает из присущего любой цели свойства конечности, а также из наличия серьезных различий между целями и механизмом их достижения»¹⁴. Впрочем, высказанная позиция не помешала автору поставить вопрос о классификации целей на простые и составные. В. Ф. Лапшин считает, что «единственной целью уголовного наказания является определение характера и степени общественной опасности конкретного преступного посягательства»¹⁵. Различая цель уголовной ответственности и цели наказания, С. Ф. Максимов полагает, что целью уголовной ответственности является охрана общественных отношений и предупреждение преступлений, а наказание применяется в целях предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами¹⁶.

Интересное мнение по этому поводу еще в 1902 г. высказал Н. С. Таганцев: «Сама цель охраны правового порядка наказанием в ее практи-

ческом осуществлении представляется сложной и видоизменяющейся, а потому и несостоятельными оказались попытки объяснить все виды наказуемости какой-либо одной исключительной целью»¹⁷. Опираясь на уголовное законодательство (особенно после принятия Основ 1958 г.), большинство российских криминалистов признают множественность целей наказания.

Оригинальную конструкцию целей наказания создал Б. С. Никифоров. Отталкиваясь от того, что общественную опасность преступления образуют четыре элемента, ученый выделял соответственно четыре элемента полезности наказания¹⁸.

По его мнению, «первым элементом общественной опасности преступления является нарушение им упорядоченности системы общественных отношений и социально-психологического порядка в обществе». Этому элементу общественной опасности преступления соответствует такое общественно полезное свойство наказания, как способность возвращать нарушенный социально-психологический порядок в упорядоченное состояние. В результате применения наказания состоявшееся нарушение «погашается» как в социальной действительности, так и в общественном сознании.

Второй элемент общественной опасности преступления заключается в нарушении индивидуально-психологического порядка (вызываемые у людей тревога, беспокойство, страх). Ему противостоит второй элемент общественной

---

¹² См.: Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 22.

¹³ См., например: Молодцов А. С. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. Ярославль, 1977. С. 53.

¹⁴ Крюков В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 10. См. также: Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986. С. 92.

¹⁵ Лапшин В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 75.

¹⁶ Максимов С. В. Цель в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 107–121, 122–136. О соотношении целей уголовной ответственности и целей наказания задолго до этого писал А. Н. Тарбагаев (см.: Тарбагаев А. Н. Указ. соч.).

¹⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. СПб., 1902. Т. 2. С. 914.

¹⁸ Никифоров Б. С. Наказание и его цели (Советское государство и право. 1981. № 9) // Избранное. М., 2010. С. 214–217.

полезности наказания — способность устранять тревогу граждан и беспокойство за свою и жизнь, здоровье, душевное спокойствие, имущество, жилище.

Третьим элементом общественной опасности преступления Б. С. Никифоров считал его способность служить отрицательным примером для морально неустойчивых лиц. Этому элементу соответствует способность наказания служить положительным примером, быть сдерживающим фактором.

Четвертому элементу общественной опасности преступления — прогнозу об опасности в будущем — корреспондирует способность наказания своими карательными свойствами устрашать преступника и лишать его возможности совершать новые преступления или затруднять такую возможность.

Приведенная конструкция в теоретическом отношении представляется достаточно логичной и интересной. Однако она искусственно оторвана от законодательной трактовки целей наказания, поэтому для правоприменительной практики вряд ли может быть полезной.

В доктринальных дискуссиях о целях наказания наиболее проблемным является вопрос о том, является ли кара целью наказания. Основанием для постановки этой проблемы послужила ст. 3 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г.¹⁹:

«Советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников.

Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

Законодатель в этой норме вместо слова «наказывает» использовал слово «карает», при-

дав ему патетическую окраску (неслучайно толковые словари при расшифровке слова «кара» сопровождают его характеристикой «возвыш.»). Нужно признать неудачным использование в современном законе устаревшего слова «кара». Но, поскольку закон требует научных комментариев к той терминологии, которой он пользуется, ученые были вынуждены толковать именно термин «кара».

Исходя из того, что в соответствии с ч. 1 приведенной статьи Закона о судостроительстве суд применением уголовного наказания *карает* преступника, некоторые ученые пришли к выводу, что кара является целью наказания. Такую точку зрения высказал, например, Б. С. Утевский в подготовленном коллективом ВЮОН учебнике 1943 г.²⁰ и в последующих его изданиях (1948, 1952 гг.). Дискуссия о значении кары и о признании ее целью наказания продолжалась несколько десятилетий. Несмотря на то что многие ученые отрицали кару как цель наказания, советский законодатель позже вновь использовал термин «кара». Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. провозгласили, что «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» (ст. 20). Эта формулировка была воспроизведена в республиканских уголовных кодексах и послужила основанием для дальнейших утверждений, что кара является одной из целей наказания.

Одним из самых последовательных приверженцев этой точки зрения был И. И. Карпец²¹. Его поддерживали и другие криминалисты. Например, С. И. Дементьев писал, что «наказание есть кара, то есть преднамеренное причинение виновному установленных законом страданий и лишений, специально рассчитанных на то, что

¹⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11.

²⁰ Уголовное право. Общая часть. М.: Юриздат, 1943. С. 221–222.

²¹ Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 138–148.

он будет их претерпевать»²². Целью наказания, хотя и не конечной, а лишь промежуточной, считали кару и Н. А. Беляев, В. Г. Смирнов, А. Н. Тарбагаев, Д. О. Хан-Магомедов, М. И. Якубович.

Однако большинство российских криминалистов придерживались мнения, что кара не является целью наказания, а выражает его сущность. Такая научная позиция опиралась на уголовное законодательство, которое последовательно подчеркивало, что наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ст. 10 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.; ст. 26 УК 1922 г.; ч. 2 ст. 9 УК 1926 г.; ч. 2 ст. 20 Основ уголовного законодательства 1958 г.; ч. 2 ст. 20 УК 1960 г.).

Преобладающее мнение российских ученых нашло отражение в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г.²³, где вообще нет термина «кара»:

«Статья 28. Наказание и его цели

Наказание есть мера принуждения, применяемая от имени государства по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного.

Наказание применяется в целях исправления осужденных, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами.

Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Хотя из-за распада Советского Союза Основы 1991 г. в силу не вступили, они послужили базой для Общей части Уголовного кодекса РФ 1996 г., который вслед за Основами тоже отказался от термина «кара». Тем не менее сторонники признания кары целью наказания имеются и после принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г.

Так, Б. С. Волков писал: «Если не рассматривать кару как цель наказания, то теряют свое предупредительное значение другие цели наказания... Предусмотренный в уголовном законе принцип дифференциации уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного и других обстоятельств совершения преступления наглядно подчеркивает значение кары как цели наказания»²⁴.

Считая отказ законодателя от включения кары в число целей наказания необоснованным, В. К. Дуюнов полагает, что кара, будучи одновременно и содержанием, и целью наказания, есть «реакция на проступок определенного лица, носящая характер упрека, осуждения, порицания этого лица и совершенного им проступка, имеющая целью оказание на виновное лицо и его поведение необходимого воспитательно-психологического и иного предупредительного воздействия»²⁵.

Целью наказания считает кару и А. И. Фатхутдинов: «Реализация кары представляет собой не что иное, как воздаяние преступнику злом за причиненное преступлением зло. Но кара — не самоцель наказания, а своего рода “цель-средство” достижения основных его целей»²⁶.

---

²² Дементьев С. И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Ростов н/Д, 1981. С. 45.

²³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета народных депутатов СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

²⁴ Волков Б. С. Цели наказания и их реализация в процессе правоприменения // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конференции, состоявшейся на юрид. факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. М., 2003. С. 273.

²⁵ Дуюнов В. К. Проблемы наказания в новом уголовном праве России. Белгород, 1998. С. 11. См. также: Он же. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 24.

²⁶ Фатхутдинов А. И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 8. См. также: Махарамов Я. А. Наказание по мусульманскому уголовному праву: понятие, цели, виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 16.

В качестве аргумента в пользу признания кары целью наказания иногда используется обращение к законодательному опыту других стран, в частности Латвии и Украины. Однако такую ссылку нельзя признать корректной. Во-первых, первоначальная редакция уголовных кодексов Латвии и Литвы готовилась на основе Модельного уголовного кодекса для государств — участников СНГ²⁷, а в ст. 45 Модельного УК говорилось, что «наказание есть мера государственного принуждения (кара)». Во-вторых, в действующей редакции УК Латвии при перечислении целей наказания говорится: *наказать* виновного лица за совершенное преступное деяние (п. 3 ч. 2 ст. 35), а не *покарать*. Что касается УК Украины, то часть 2 ст. 50 действительно содержит тезис, что «покарання має на меті не тільки кару» (наказание имеет целью не только кару), но в нем совершенно явно просматривается тавтология: оба слова имеют один и тот же корень. Видимо, слово «кара» из старославянского языка утвердилось в украинском языке, а слову «наказание» в нем не нашлось места, поэтому наказание обозначается словом «покарання».

Нет слова, равнозначному слову «кара», и других языках. В связи с этим вспоминается любопытный факт. Когда в начале 1960-х гг. профессор ВЮЗИ М. А. Гельфер работал над докторской диссертацией, посвященной уголовному праву стран народной демократии, он сетовал на то, что во всех странах ученые, с которыми он сотрудничал, не понимают его вопроса: признают ли они кару целью наказания? Непонимание объясняется тем, что в языках этих стран просто нет такого слова, которое применялось бы наряду со словом «наказание».

Таким образом, зарубежный законодательный опыт отнюдь не подкрепляет позиции ученых, полагающих, что кара является одной из целей наказания. Не подтверждается это и

Модельным уголовным кодексом для стран — участников СНГ, который слово «кара» поместил в скобках после определения наказания, т.е. как его синоним. Некоторые российские ученые также считают, что «кара» и «наказание» являются синонимами. Например, по мнению А. Л. Ременсона, «приписывать наказанию цель кары — значит утверждать: “наказание имеет целью наказание”, т.е. не имеет цели, а является самоцелью»²⁸. Такого же мнения придерживаются В. Д. Филимонов²⁹, С. В. Чубраков³⁰ и др.

Правильность суждения о синонимичности слов «наказание» и «кара» подтверждается и обращением к толковым словарям.

Так, словарь В. И. Даля определяет кару как «казнь, наказанье, строгое взысканье. Кара Божеская не людская. Худая жена кара Господня. Карать кого, казнить, наказывать. Покарали его за дело. Докарала его судьба, искарала вконец. Накаралась над ним. В неправде Бог карает». В Энциклопедическом словаре кара определяется как наказание, возмездие («предателя ждет кара»). Согласно академическому Словарю русского языка в четырех томах кара — суровое наказание, возмездие (т. 2; М., 1958). Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова (в 4 ч., ч. 2; М., 1999) слово «кара» толкует как «наказание, воздаяние». Словарь синонимов под редакцией А. П. Евгеньевой (Л., 1975) понимает под карой расплату, возмездие. Согласно Новому толково-словообразовательному словарю русского языка Т. Ф. Ефремовой (М., 2000) кара есть наказание, возмездие. В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (в 4 т., т. 1; М., 2000) кара определена как наказание за проступки, преступления. Как наказание толкует кару и Большой современный толковый словарь русского языка.

Ученые, дискутирующие по поводу кары, в большинстве своем не дают ее определения.

²⁷ Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17.02.1996.

²⁸ Ременсон А. Л. Избранные труды : К 80-летию со дня рождения. Томск, 2003. С. 14, 37, 47.

²⁹ Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970 ; Он же. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003.

³⁰ Чубраков С. В. Уголовное наказание в виде обязательных работ. Томск, 2005.

Одно из немногих таких определений дает Е. В. Курочка: «Кара — это принуждение государственного характера к страданию осужденного, объем которого определяется характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личностью виновного»³¹. Значит, кара — это принуждение к страданию, а точнее — само страдание, к которому государство принуждает осужденного.

Слова «кара» и «наказание» являются синонимами. Они соотносятся как пары слов «око» — «глаз», «уста» — «рот», «ланиты» — «щеки» и т.п. Возможно, они имеют некоторые нюансы: «наказание» в большей степени отражает объективный характер этого явления (как принуждение, исходящее от управомоченного субъекта), а «кара» ставит акцент на субъективном восприятии этого принуждения лицом, к которому наказание применено (на его восприятии как претерпевании, страдании, лишении). К этому можно добавить еще одно синонимичное слово — «казнь», которое зачастую отождествляется со смертной казнью, хотя и безосновательно, поскольку оно само в отрыве от определения «смертная» означает всего лишь наказание, но воспринимаемое с внешней, процедурной стороны.

Итак, кара не является ни конечной, ни промежуточной целью наказания, что является господствующим мнением в современной российской науке уголовного права. Кара и есть само наказание. Указание в прежних российских уголовных законах на то, что наказание является карой, следует оценивать только в качестве напоминания о том, что лицо, подвергнутое наказанию за совершенное преступление, должно претерпеть определенные судом лишения и ограничения. Впрочем, такое напоминание совершенно неуместно в законе, поскольку сущность наказания и без того очевидна из определения наказания в ч. 1 ст. 43 УК РФ. Но и при использовании термина «кара»

советские уголовные законы неизменно подчеркивали, что наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, а в УК 1926 г. эта мысль формулировалась еще более определенно: «Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят» (ч. 2 ст. 9). Международно-правовая практика стоит на такой же позиции.

Предметом широких научных дискуссий стала и такая цель наказания, как перевоспитание осужденных. Этому способствовало закрепление названной цели в нормативных правовых актах советской России. Так, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. устанавливал, что одной из целей исправительно-трудовой политики является перевоспитание осужденных и приспособление их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общественные цели и путем организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества (п. «б» ч. 2). В соответствии со ст. 1 ИТК 1970 г. уголовное наказание должно исполняться с тем, чтобы оно, помимо прочего, перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правам социалистического общежития.

В отдельных случаях исправление и перевоспитание трактовались как самостоятельные, хотя и тесно связанные между собой цели наказания³². Однако господствующим стало мнение, что исправление и перевоспитание — это единая составная цель наказания. Например, по словам И. А. Тарханова, «исправление и перевоспитание как цель наказания предполагают искоренение у осужденного антиобщественных взглядов и наклонностей, которые привели его к совершению преступления... Исправление и перевоспитание — составные элементы еди-

---

³¹ Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 11.

³² См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М., 1994. С. 355.

ного воспитательного процесса, связанного с применением наказания. Под исправлением понимается обычно изменение лишь отдельных антиобщественных взглядов и привычек осужденного... Перевоспитание заключается в изменении всей системы ценностных ориентаций осужденного, его жизненной позиции с тем, чтобы превратить его в гражданина, соблюдающего законы и указанные выше правила общежития в силу осознания их социальной пользы и справедливости»³³.

Постановка законодателем цели перевоспитания осужденного вызвала у научной общественности критическое отношение. Во-первых, перевоспитание практически невозможно отграничить от морального исправления, которое широко обсуждалось в противовес юридическому исправлению. Во-вторых, уголовный закон, провозгласив перевоспитание целью наказания, не определял абсолютно никаких критериев достижения этого результата, тогда как критериям исправления в законе отводилось достаточно места. То же относится и к уголовно-исполнительному законодательству. В-третьих, превращение осужденного в убежденного противника нарушения закона и правил общежития является совершенно нереальной задачей, коль скоро даже законопослушные граждане далеко не всегда соблюдают законы исключительно по внутреннему убеждению.

С учетом мнения большинства ученых Основы уголовного законодательства 1991 г. отказались от цели перевоспитания осужденных, определив, что наказание применяется в целях исправления осужденных, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами (ч. 2 ст. 28). Хотя из-за прекращения существования

СССР Основы не вступили в силу, отказ от перевоспитания осужденного как цели уголовного наказания был зафиксирован Уголовным кодексом РФ 1996 г.

По мнению В. А. Якушина, действующий УК РФ отказом от цели перевоспитания осужденного сделал шаг назад³⁴, поскольку «любое уважающее себя общество, любой уважающий себя народ должен ставить перед собой возвышенные, хотя порой и трудно достигаемые цели»³⁵. От цели перевоспитания, считает автор, не следует отказываться хотя бы потому, что перевоспитание даже нескольких лиц (несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, лиц, оступившихся впервые) — это большая удача³⁶. Однако ностальгический взгляд на перевоспитание преступника как цель наказания не разделяется большинством ученых, поскольку позитивных критериев перевоспитания ни уголовно-правовая доктрина, ни судебно-исправительная практика не выработали, да и не могли выработать, а перечень негативных критериев («не делает того, другого, третьего») обязательно имеет субъективный характер и не может быть конечным.

Стало быть, перевоспитание осужденного — это недостижимая цель, а постановка нереальной цели не красит закон и не дает правоприменителям никаких практических ориентиров.

Некоторые ученые выдвигали идею дополнить цели наказания искуплением вины. Так, по мнению А. И. Марцева, осужденный обязан искупить вину за совершенное преступление примерным поведением и честным отношением к труду³⁷. Эта точка зрения и позже поддерживалась некоторыми учеными. Например, Е. В. Курочка считает одной из целей наказания искупление вины, под которой подразумевает

³³ Уголовное право России. Общая часть / под ред. В. П. Малкова и Ф. Р. Сундунова. Казань : Изд-во Казанского ун-а, 1994. С. 278.

³⁴ См.: Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия. Тольятти, 2018. С. 57. См. также: Якушин В. А., Тюшнякова О. В. Наказание и его применение : учебное пособие. Тольятти, 2006. С. 48–49.

³⁵ Якушин В. А. Наказание и иные меры... С. 65–66.

³⁶ Якушин В. А. Еще раз о целях наказания // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 1. С. 203.

³⁷ Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений. Омск : ОВШМ МВД СССР, 1977. С. 68.

«нейтрализацию такого негативного последствия, как виновность лица в совершенном преступлении»³⁸.

Многие видные ученые весьма скептически отнеслись к выделению такой цели наказания, как искупление вины. Например, А. Л. Ременсон полагал, что искупление вины означает не что иное, как исправление³⁹.

Представляется, что ставить перед наказанием цель искупления вины нецелесообразно: если понимать вину в ее уголовно-правовом значении, то искупить вину (умысел или неосторожность) невозможно, а если понимать ее как осознание своей неправоты, своей провинности перед обществом, то ей как нравственно-психологической категории не место в уголовном законе. Почти полвека назад Н. А. Стручков высказал мысль, что употребление понятия «искупление вины» существенно осложняет уголовно-правовое словоупотребление, придавая вине иное, помимо общепринятого, значение⁴⁰. Искупление вины в ее втором смысле не имеет самостоятельного значения и входит в содержание либо цели исправления (в частности, когда речь идет о примерном поведении и честном отношении к труду), либо цели восстановления социальной справедливости (когда речь идет о претерпевании осужденным лишения и ограничений, адекватных характеру и опасности совершенного преступления и личности виновного). Неслучайно уже в первом уголовном законе советского периода констатировалось, что «наказание не есть возмездие за “вину”, не есть искупление вины» (ст. 10 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР).

Вряд ли заслуживает поддержки и предлагаемое некоторыми специалистами призна-

ние ресоциализации осужденного целью наказания.

В конце XIX в. классик русского уголовного права Н. С. Таганцев писал, что «наказание должно быть направлено, насколько это достижимо, к возрождению в преступнике человека и полезного члена общества, направлено к развитию и укреплению в нем начал религии и нравственности, к искоренению в нем дурных привычек, к приучению его к труду и порядку»⁴¹. В поддержку этого мнения, но уже с использованием звучного термина «ресоциализация» выступают и некоторые современные российские ученые⁴². Нужно признать, что для такой постановки вопроса имеются определенные нормативные основания.

Так, в соответствии со ст. 26.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятых резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985, «целью воспитательной работы с несовершеннолетними, содержащимися в исправительных учреждениях, является обеспечение опеки, защиты, образования и профессиональной подготовки с целью оказания им помощи для выполнения социально полезной и плодотворной роли в обществе».

Европейские пенитенциарные правила, утвержденные 12 февраля 1987 г. Комитетом министров в качестве рекомендации государствам — членам Европейского Союза, провозгласили, что «цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы сохранить их здоровье и достоинство и, в той степени, в какой это позволяет срок заключения,

---

³⁸ Курочка Е. В. Указ. соч. С. 11.

³⁹ См.: Ременсон А. Л. Искупление — это исправление // К новой жизни. 1965. № 10. С. 69–71. Близкое к этому мнение высказал и В. Д. Филимонов (см.: Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 257).

⁴⁰ См.: Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 69.

⁴¹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 955.

⁴² См., например: Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2004. С. 352; Волкова Т. Н. Ресоциализация осужденных как мера профилактики преступности и цель уголовного наказания // Правовая культура. 2007. № 2 (3). С. 102–109.

способствовать формированию у них чувства ответственности и навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в общество, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения» (ст. 3). Более поздняя редакция этого документа подчеркивает, что «содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению лиц, лишенных свободы, в общество» (ст. 6).

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), сформулированные в приложении к Резолюции Генеральной Ассамблеи 70/175, принятой 17 декабря 2015 г., определяют желательным, «чтобы перед завершением отбытия срока наказания принимались меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе» (правило 87).

Идея приспособления осужденного к право-послушной жизни в обществе после отбывания наказания просматривается и в отечественных нормативных правовых актах. Так, первый советский Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1924 г.) устанавливал, что исправительно-трудовые учреждения создаются «для приспособления преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы» (п. «б» ч. 3 ст. 3). ИТК РСФСР 1933 г. также провозглашал, что цель исправительно-трудовой политики состоит в том, чтобы перевоспитывать и приспособлять осужденных к условиям трудового общежития путем направления их труда на общепользные цели (п. «б» ст. 2). ИТК РСФСР 1970 г. объявлял своей задачей, в частности, перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития 1970 г.РР, т.е. приспособление осужденных к нормальной жизни в обществе после отбывания наказания.

Сама по себе идея ресоциализации осужденных после отбывания наказания вполне рацио-

нальна, но не заслуживает статуса самостоятельной цели наказания.

Во-первых, она имеет смысл только применительно к тем видам наказания, исполнение которых разрывает социально полезные связи осужденного, вырывая их из прежней среды, т.е. к наказаниям, связанным с лишением свободы. Конкретно речь идет только о лишении свободы на определенный срок, поскольку пожизненное лишение свободы по своей сути не предполагает возвращения осужденного в здоровое общество, а все иные виды наказания не обрывают социально полезных связей осужденного.

Во-вторых, ресоциализация осужденного является составной частью и сущностью исправления. Исправление как раз означает, что после освобождения осужденный перестает быть общественно опасным и становится добропорядочным, законопослушным членом общества.

Итак, включение кары, перевоспитания осужденного, его ресоциализации, искупления вины в легальный перечень целей наказания представляется неоправданным, а набор целей наказания, провозглашенных Уголовным кодексом РФ, — оптимальным. В литературе высказано мнение, что применительно к отдельным видам наказания допустимо ставить вопрос о специфических целях или подцелях уголовного наказания (например, при смертной казни — возмездие, при пожизненном лишении свободы — ограждение общества от общественно опасного лица, при лишении свободы на определенный срок — ресоциализация осужденного)⁴³. С такой позицией трудно согласиться, во-первых, потому, что она не согласуется с законом, ставящим цели перед наказанием как институтом, а не перед каждым видом наказания, а во-вторых, потому, что виды наказания различаются между собой не по целям, а по средствам и методам их достижения.

В заключение можно подвести следующие итоги.

1. Вопрос о целях наказания составляет важнейшую теоретическую и законотворческую проблему уголовного права.

⁴³ См.: Упоров И. Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. 2001. № 3. С. 45–50.

2. Слова «кара» и «наказание» являются синонимами, поэтому постановку вопроса о каре как цели наказания следует признать некорректной.

3. Сформулированные в ст. 43 УК РФ цели наказания являются оптимальными, адекватно отражающими социально-правовое предна-

значение этого института. Для исключения из целей наказания восстановления социальной справедливости, как и для дополнения перечня целей наказания карой, перевоспитанием осужденного, его ресоциализацией и другими, нет никаких оснований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волков Б. С. Цели наказания и их реализация в процессе правоприменения // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : материалы II Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. — М., 2003. — С. 271–275.
2. Волкова Т. Н. Ресоциализация осужденных как мера профилактики преступности и цель уголовного наказания // Правовая культура. — 2007. — № 2 (3). — С. 102–109.
3. Дементьев С. И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. — Ростов н/Д, 1981. — 206 с.
4. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под ред. С. П. Щербы. — М., 2010. — 448 с.
5. Дуюнов В. К. Проблемы наказания в новом уголовном праве России. — Белгород, 1998. — 297 с.
6. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. — М., 2003. — 250 с.
7. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. — М., 1973. — 288 с.
8. Крюков В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2018. — 28 с.
9. Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2000. — 21 с.
10. Лапшин В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. — 2018. — № 5. — С. 75–85.
11. Люблинский П. И. Новые идеи в правоведении // Сборник № 1 : Цели наказания. — СПб. : Образование, 1914. — 135 с.
12. Максимов С. В. Цель в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2002. — 189 с.
13. Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений : учебное пособие. — Омск : ОВШМ МВД СССР, 1977. — 84 с.
14. Махарамов Я. А. Наказание по мусульманскому уголовному праву: понятие, цели, виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 22 с.
15. Молодцов А. С. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. — Ярославль, 1977. — 68 с.
16. Никифоров Б. С. Избранное. — М., 2010. — 224 с.
17. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. — М., 1912. — 668 с.
18. Ременсон А. Л. Избранные труды : К 80-летию со дня рождения — Томск, 2003. — 98 с.
19. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. — Саратов, 2004. — 478 с.
20. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть Общая. — Пг., 1915. — 397 с.
21. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. — Саратов, 1978. — 288 с.
22. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. — Изд. 2-е, пересмотр. и доп. — СПб., 1902. — Т. 2. — 655 с.

23. *Тарбагаев А. Н.* Понятие и цели уголовной ответственности. — Красноярск, 1986. — 120 с.
24. Уголовное право на современном этапе. Проблема преступления и наказания / под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глистина и В. В. Орехова. — СПб., 1992. — 604 с.
25. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В. П. Малкова и Ф. Р. Сундукова. — Казань : Издательство Казанского университета, 1994. — 467 с.
26. Уголовное право. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. — М., 1994. — 535 с.
27. Уголовное право. Общая часть. — М. : Юриздат, 1943. — 284 с.
28. *Упоров И.* Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. — 2001. — № 3. — С. 45–50.
29. *Фатхутдинов А. И.* Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2003. — 25 с.
30. *Филимонов В. Д.* Общественная опасность личности преступника. — Томск, 1970. — 277 с.
31. *Филимонов В. Д.* Охранительная функция уголовного права. — СПб., 2003. — 196 с.
32. *Чубраков С. В.* Уголовное наказание в виде обязательных работ. — Томск, 2005. — 220 с.
33. *Чучаев А. И.* Jus puniendi (исторический очерк) // Lex russica. — 2011. — № 3. — С. 389–416.
34. *Шаргородский М. Д.* Наказание, его цели и эффективность. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. — 160 с.
35. *Якушин В. А.* Еще раз о целях наказания // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2018. — № 2. — Т. 1. — С. 202–208.
36. *Якушин В. А.* Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия. — Тольятти, 2018. — 337 с.
37. *Якушин В. А., Тюшнякова О. В.* Наказание и его применение : учебное пособие. — Тольятти, 2006. — 282 с.

Материал поступил в редакцию 24 мая 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volkov B. S. Celi nakazaniya i ih realizaciya v processe pravoprimeneniya // Pyat' let dejstviya UK RF: itogi i perspektivy : materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, sostoyavshejsya na yuridicheskom fakul'tete MGU imeni M. V. Lomonosova 30–31 maya 2002 g. — M., 2003. — S. 271–275.
2. Volkova T. N. Resocializaciya osuzhdennykh kak mera profilaktiki prestupnosti i cel' ugovnogo nakazaniya // Pravovaya kul'tura. — 2007. — № 1 (3). — S. 102–109.
3. Dement'ev S. I. Lishenie svobody. Ugolovno-pravovye i ispravitel'no-trudovye aspekty. — Rostov n/D, 1981. — 206 s.
4. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. S. P. Shcherby. — M., 2010. — 448 s.
5. Duyunov V. K. Problemy nakazaniya v novom ugovnom prave Rossii. — Belgorod, 1998. — 297 s.
6. Duyunov V. K. Ugolovno-pravovoe vozdejstvie: teoriya i praktika. — M., 2003. — 250 s.
7. Karpec I. I. Nakazanie. Social'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy. — M., 1973. — 288 s.
8. Kryukov V. V. Celi ugovnogo nakazaniya: ponyatie, vidy, mekhanizmy dostizheniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2018. — 28 s.
9. Kurochka E. V. Problemy nakazaniya v ugovnom prave Rossii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2000. — 21 s.
10. Lapshin V. F. Istinnaya cel' ugovnogo nakazaniya i kriterii ee dostizhimosti // Zhurnal rossijskogo prava. — 2018. — № 5. — S. 75–85.

11. Lyublinskij P. I. Novye idei v pravovedenii // Sbornik № 1 : Celi nakazaniya. — SPb. : Obrazovanie, 1914. — 135 s.
12. Maksimov S. V. Cel' v ugodovnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk. — Ul'yanovsk, 2002. — 189 s.
13. Marcev A. I. Special'noe preduprezhdenie prestuplenij : uchebnoe posobie. — Omsk : OVShM MVD SSSR, 1977. — 84 s.
14. Maharamov Ya. A. Nakazanie po musul'manskomu ugodovnomu pravu: ponyatie, celi, vidy : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 22 s.
15. Molodcov A. S. Ugodovnaya otvetstvennost' i mery obshchestvennogo vozdejstviya. — Yaroslavl', 1977. — 68 s.
16. Nikiforov B. S. Izbrannoe. — M., 2010. — 224 s.
17. Poznyshev S. V. Osnovnye nachala nauki ugodovnogo prava. Obshchaya chast' ugodovnogo prava. — M., 1912. — 668 s.
18. Remenson A. L. Izbrannye trudy : K 80-letiyu so dnya rozhdeniya — Tomsk, 2003. — 98 s.
19. Rybak M. S. Resocializaciya osuzhdennyh k lisheniyu svobody: problemy teorii i praktiki. — Saratov, 2004. — 478 s.
20. Sergeevskij N. D. Russkoe ugodovnoe pravo : posobie k lekciyam. Chast' Obshchaya. — Pg., 1915. — 397 s.
21. Struchkov N. A. Ugodovnaya otvetstvennost' i ee realizaciya v bor'be s prestupnost'yu. — Saratov, 1978. — 288 s.
22. Tagancev N. S. Russkoe ugodovnoe pravo : lekci. Chast' obshchaya. — Izd. 2-e, peresmotr. i dop. — SPb., 1902. — T. 2. — 655 s.
23. Tarbagaev A. N. Ponyatie i celi ugodovnoj otvetstvennosti. — Krasnoyarsk, 1986. — 120 s.
24. Ugodovnoe pravo na sovremenno etape. Problema prestupleniya i nakazaniya / pod red. N. A. Belyaeva, V. K. Glistina i V. V. Orekhova. — SPb., 1992. — 604 s.
25. Ugodovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' / pod red. V. P. Malkova i F. R. Sundurova. — Kazan' : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1994. — 467 s.
26. Ugodovnoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. B. V. Zdravomyslova, Yu. A. Krasikova, A. I. Raroga. — M., 1994. — 535 s.
27. Ugodovnoe pravo. Obshchaya chast'. — M. : Yurizdat, 1943. — 284 s.
28. Uporov I. Celepolaganie otidel'nyh vidov nakazaniya v rossijskom ugodovnom prave // Ugodovnoe pravo. — 2001. — № 3. — S. 45–50.
29. Fathutdinov A. I. Celi nakazaniya i pravovoe regulirovanie mekhanizma ih dostizheniya po UK RF : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk — Kazan', 2003. — 25 s.
30. Filimonov V. D. Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika — Tomsk, 1970. — 277 s.
31. Filimonov V. D. Ohranitel'naya funkciya ugodovnogo prava. — SPb., 2003. — 196 s.
32. Chubakov S. V. Ugodovnoe nakazanie v vide obyazatel'nyh rabot — Tomsk, 2005. — 220 s.
33. Chuchaev A. I. Jus puniendi (istoricheskij ocherk) // Lex russica. — 2011. — № 3. — S. 389–416.
34. Shargorodskij M. D. Nakazanie, ego celi i effektivnost'. — L. : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1973. — 160 s.
35. Yakushin V. A. Eshche raz o celyah nakazaniya // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. — 2018. — № 2. — T. 1. — S. 202–208.
36. Yakushin V. A. Nakazanie i inye mery ugodovno-pravovogo vozdejstviya. — Tol'yatti, 2018. — 337 s.
37. Yakushin V. A., Tyushnyakova O. V. Nakazanie i ego primenenie : uchebnoe posobie. — Tol'yatti, 2006. — 282 s.